

УДК 316. 307.01

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-213-219

К вопросу о культурно-антропологическом основании патриотизма

Синютин А.А.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
Россия, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
ssinyutin@mail.ru

Аннотация. В современном обществе патриотизм представляет собой глубокое эмоциональное и сознательное ощущение человеком своей неразрывной связи с родной страной, языком и культурой. Это изначальное самоопределение личности через социально-культурную среду, в которой она находится. Данная связь становится постоянным направляющим фактором в жизни человека и влияет на его конкретные действия и цели. Патриотизм развивается внутри различных сообществ и провозглашает единство. Именно укорененность патриотических чувств в культуре родного общества определяет уникальные черты его восприятия, в которых проявляются специфические особенности мышления этого народа и его культурной идентичности. В результате данного исследования стало ясно, что патриотизм представляет собой значимый культурно-антропологический аспект, который формирует восприятие современной культуры.

Ключевые слова: патриотизм, культура, ценности, культурная интеграция, патриотические установки

Для цитирования: Синютин А.А. 2025. К вопросу о культурно-антропологическом основании патриотизма. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(1): 213–219. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-213-219

To the Issue of the Cultural and Anthropological Basis of Patriotism

Alexander A. Sinyutin

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI),
132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk 346428, Russian Federation
ssinyutin@mail.ru

Abstract. In modern society, patriotism is a deep emotional and conscious feeling of a person's inseparable connection with their native country, language, and culture. It is the initial self-determination of individuals through their socio-cultural environment. This connection becomes a constant guiding factor in a person's life and influences their specific actions and goals. Patriotism develops within different communities and proclaims unity. It is the rootedness of patriotic feelings in the culture of the native society that determines the unique features of its perception. The latter reflect the specificities of the people's thinking and cultural identity. The study allows a conclusion that patriotism is a significant cultural and anthropological aspect that shapes the perception of modern culture.

Keywords: patriotism, culture, values, cultural integration, patriotic attitudes

For citation: Sinyutin A.A. 2025. To the Issue of the Cultural and Anthropological Basis of Patriotism. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 213–219 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-213-219

Введение

Культура существенно раздвигает границы человеческого мира, причем это может приводить к расколу самого индивида, переживающего, что он сразу принадлежит нескольким мирам. Собственно, перед личностью всегда стоит задача обрести цельность своего существования. Патриотические чувства могут способствовать собранности личности, ориентированной на последовательности своих действий в отношении природного и социального окружения. К тому же человек может относительно свободно действовать, выступая на защиту собственных ценностей. В результате этого человек и на значительной дистанции от страны (или «священной для него земли»), где, как он считает, обитали его предки, способен отождествлять себя с ней исходя из определенного набора постигнутых культурных ценностей.

В ряде случаев именно нестандартные проявления патриотизма, когда человек связывает свою судьбу с далекой страной, руководствуясь романтическими соображениями, раскрывают его сущностную специфику (то есть экзистенциальную специфику самого патриотизма), представляющую как бытие-в-культуре. В данной связи Б.В. Марков отмечал, что «социальное и индивидуальное, природное и культурное, эмоциональное и рациональное, духовное и телесное – все это теоретические противоположности, закрепленные сложившейся специализацией научных дисциплин. Но в реальном человеке все эти противоположности пересекаются и переплетаются» [Марков, 1997, с. 43]. Во многом и патриотизм конкретного человека представляет собой синтез различных компонентов, не сводимых только к ценностям общественного характера, но и в то же время не являющихся плодом его субъективной ориентации.

Поэтому в определенном смысле и патриотизм выступает способом отношения и переживания культуры, в которую индивид включается на этапах своей социализации и образования. Таким образом, даже так называемые интернационалисты в ряде случаев могут свободно действовать в патриотическом русле, особенно если страна, которую они защищают, является Родиной их идей (и воспринимается как «духовное отечество»).

Экзистенциальные аспекты формирования патриотизма

Патриотизм как экзистенциальный феномен в значительной степени определяется развитием человеческой культуры, составляя традиционное для нее ядро, связанное с переживанием «своего собственного». Речь таким образом идет о «собственности», которая, однако, здесь не совпадает (по крайней мере полностью) со своим юридическим определением. Таким образом, следует рассматривать патриотизм как специфический человеческий феномен, в первую очередь опосредованный культурой, выдвигающий его из мира природы. В зависимости от развития культуры и сам патриотизм может выступать в рафинированных формах интимного отношения к отчизне, которое определяется ее культурными достижениями на мировой арене.

Вместе с тем патриотизм может проявляться и в довольно грубых формах, это свидетельствует о том, что данные чувства подлежат соответствующему образованию в душе человека и требуют институциональной поддержки. Хрупкость дел отдельного человека всегда подталкивала общество к объективации коллективных сущностей, таких, например, как государство (полис) [Арендт, 2017]. Такая многомерность не мешает выступать патриотизму в качестве экзистенциального феномена, интимного по отношению к внутренней духовной жизни человека современной эпохи. Отсюда проистекает и необходимость в воспитании патриотизма, идентификация его как ключевого для саморазвития духовного явления и потребность его дальнейшего осмысления в качестве сопутствующего фактора культуры.

Таким образом, патриотизм не является строго политическим или культурным феноменом, а скорее выступает фундирующим фактором для экзистенциальной реальности человека. Пожалуй, что минимальное представление о патриотизме уже

закладывается практически каждой культурной традицией, которую человек усваивает еще в раннем детстве. К тому же в настоящее время мы переживаем значительный интерес к духовным практикам, причем порой экстремального характера, которые активно продвигаются посредством не только лишь философии, но и политики, экономики и современной рекламы [Марков, 2023].

В контексте взаимоотношений человека со своим окружением устанавливаются прочные связи, возникающие не только с другими людьми, но и с природой и землей, то есть на конкретной территории, и затем индивид, как правило, соотносит себя в историческом или культурном плане с данной территорией. Причем в явлении, которое мы подводим под понятие «патриотизм», происходит соединение двух «начал» и в определенном смысле наложение природы и культуры. Вместе с тем, рассматривая патриотизм, стоит сказать, что базовой его характеристикой выступает позитивный экзистенциал, понимаемый в первую очередь как «любовь» [Марков, 2017]. Так, например, патриот – не только тот, кто ценит собственную культуру, а часто и вовсе восхищается ей, но и любит природу родной земли. В данной связи не удивительно, что многие писатели и поэты патриотического направления преимущественно воспевали природу родного края. Таким образом, патриотическое настроение может выражаться художественными средствами, что в свою очередь дает основания говорить об эстетическом измерении патриотизма.

В сравнении с другими живыми существами человек способен к отстранению и, следовательно, может вести себя странным образом в отношении даже заложенных в нем природных инстинктов, в той или иной степени постоянно им себя противопоставляя. Так, например, немецкий философ Х. Плеснер настаивал на эксцентричности человеческого существования, отмечая, что если «жизнь животного центрична, то жизнь человеческая не способная разорвать эту центричность, но в то же время её преодолевающая, эксцентрична. Эксцентричность представляет собой характерную для человека форму его фронтальной расположенности относительно окружающего поля» [Плеснер, 2004, с. 254]. В данной связи стоит сказать, что человек может также переживать собственную неуместность в том или ином топосе, свою «неприкаянность» даже без видимых на это причин внешнего давления или нападения извне. Таким образом, перед человеком открывается экзистенциальное отчуждение не только от окружающей природы, но и от своего собственного тела (может сопровождаться также отрицанием «животности» в себе самом).

При этом двойственность человеческой природы постоянно обращает на себя внимание и порождает соответствующую рефлексию «я» над данной (в действительности неустранимой) проблемой. «Переход от бытия внутри собственной плоти к бытию за ее пределами становится для него неустранимой двuasпектичностью его экзистенции, действительным разломом его природы. Он живет по эту и по ту сторону этого разлома, как душа и как тело, и как психофизически нейтральное единство этих сфер. Двойная аспектность, однако, не перекрывается единством, не рождается из него; единство не есть что-то третье, примиряющее две противоположности и передающееся им, оно не составляет самостоятельную сферу. Оно есть разлом, зияние, пустой переход опосредования, которое для самого живущего равно абсолютной двузначности и двuasпектности различие телесной плоти и души, – в этом опосредовании он их переживает» [Плеснер, 2004, с. 254–255]. Таким образом, окончательного синтеза здесь не происходит, в связи с чем индивид всегда «обречен» на гармонизацию двойственности своего собственного существования.

Таким образом, становится понятно, что патриотическое поведение или его отсутствие (порой бегство от отчизны) напрямую связано с наличием в человеке «я» – структуры, которая фактически как отвечает за формирование в нем целостной личности, так и способствует гармонизации его внутреннего бытия. Ведь даже смерть человека, его

уход из жизни, осознаваемый им самим достаточно сильно, связаны с набором культурных ритуалов перехода в «другой мир» и «свою инаковость». Поэтому даже смерть может носить патриотический характер, особенно, когда похороны были преобразованы в своего рода патриотический ритуал.

Поиск отечества также напрямую зависит от поиска человеком духовного комфорта, который не исключает деятельностного отношения к жизни и преобразования своей собственной природы. Таким образом, психические компоненты, связанные с обнаружением отчизны, могут быть интегрированы в глубинные переживания собственного «я», что свидетельствует о существенной интериоризации паттернов, характерных для отечественной культуры. В данной связи стоит отметить, что «я» является вовсе не самостоятельной структурой, а в значительной степени связанной с телесностью человека и зависимой от внешнего окружения. Отчасти справедливо утверждение, что «я» человека всегда стремится к обладанию.

Патриотические установки и амбивалентность культуры

Очевидно, что человека практически невозможно редуцировать к животному состоянию, поскольку для него всегда сохраняются разнообразные культурные потребности. В свою очередь данные потребности не могут носить строго «материалистический», то есть исключительно «вещной» характер. В определенном смысле человек постоянно занят приготовлением для себя не только биотической, но и духовной пищи. Так, например, еще Гегель отмечал, что животное «находит непосредственно в готовом виде то, что ему нужно для удовлетворения потребности; человек же, напротив, относится к средствам удовлетворения своих потребностей как к чему-то, порожденному и сформированному им» [Гегель, 1929, с. 61]. Более того, орудия и инструменты, которыми удовлетворяются, например, реальные государственные потребности, довольно легко превращаются в предметы национальной гордости и, собственно, в один из источников патриотического настроения.

Вместе с тем сфера культуры не свободна от чисто человеческих страстей, например, от ненависти и такой разновидности последней, как зависть. Ясно, что патриотизм, если и включает в себя компонент ненависти, то данное настроение применительно к нему носит ситуативный характер, возникающий в случае открытого столкновения с внешним врагом. Тем не менее достаточно болезненно переживается человеком кризис своей собственной идентичности, но не менее остро может переживаться и потеря коллективной идентичности, которая возникает в результате отрицания «символов, распадом коллективной памяти, представленной традициями, а также утратой веры в общее будущее, дисгармонией между описательным и нормативным образами себя, прерывностью в истории, несоответствием между представлением культуры о самой себе и ее образами в других культурах, наконец, чувством неполноценности относительно более совершенной культуры» [Хесле, 1994, с. 121]. Не удивительно, что отрицание своей культуры может быть связано с факторами экзистенциального беспокойства и даже с нарушениями психотического характера.

Недовольство и неудовлетворенность культурой, зачастую связанные с проблемой отчуждения (от аутентичного способа существования), в той или иной степени могут быть актуальны для всех без исключения людей, особенно же для тех, кто склонен к рефлексии над существованием. В данной связи внимание философов-экзистенциалистов всегда привлекала тоска человека по «неотчужденной от него» природе, которую теологическая традиция склонна отождествлять с «потерянным раем». Вместе с тем человек в своей практической деятельности может быть не доволен как своей собственной культурой, так и культурой «других» и даже культурой как таковой, понимаемой в качестве однозначно репрессивной инстанции [Фрейд, 2013]. Подобного рода недовольство культурой зачастую становится питательной базой для романтических тенденций, стимулирующих

единство человека с природой и способствующих противопоставлению природных начал, заложенных в человеке, миру окружающей его культуры и техногенной цивилизации.

Исторический опыт в целом свидетельствует о том, что патриотические движения недавнего прошлого носили во многом романтический характер, а их представители по крайней мере декларировали необходимость установления гармонии между природой и культурой. В рамках своеобразно понятого патриотизма люди могут даже отвергать вполне очевидные достижения цивилизации, которые способны нанести вред окружающей природе. Таким образом, технологический прогресс способен вызвать неоднозначную реакцию в том или ином патриотическом лагере. Поэтому патриотизм может и вовсе проявляться как своего рода экологическое движение, нацеленное в первую очередь на сохранение среды благоприятного обитания для будущих поколений, тем более что представители экологических обществ зачастую и вовсе эксплуатируют патриотические чувства местных жителей, пытаясь перевести проблему и конфликт с властью в политическую плоскость. Однако существуют различия и в лагере экологистов: одни являются местными жителями, обитающими вблизи реальных угроз, другие же представляют собой профессиональных активистов, зачастую реализующих в своей деятельности повестку глобалистов.

Вместе с тем человеку необходимо иметь достаточно комфортные условия проживания, причем резкая смена окружающей обстановки и привычного уклада жизни может приводить личность к довольно травматическим последствиям. Распад привычной среды обитания и перемещение в страны с более суровым климатом приводит человека к стрессу. Миграции в том числе могут быть обусловлены неприятием своей собственной культуры, что приводит к появлению особого рода беженцев. К тому же культура оседлых народов в меньшей степени предохраняет от внезапных скитаний, которые незамедлительно обрушиваются на голову конкретного человека. Так, впрочем,номадам в случае опасности намного легче покинуть территории, где возникает угроза жизни, забрав с собой все необходимое [Назаретян, 2023]. Хотя в определенной степени все люди привязаны к своим вещам, которые могут иметь для них не просто утилитарное, но и вполне духовное значение.

Таким образом, наличие патриотизма радикальным образом отличает людей от животных, поскольку патриотическое отношение к миру является учреждением и необходимым элементом культуры. В определенном смысле люди способны осуществлять пересборку культуры, модифицируя правила и нормы, которым они впоследствии должны неуклонно следовать. Вместе с тем прочность тех или иных установлений будет во многом зависеть от их сакрализации, признания и освящения предшествующего авторитета уже имеющейся духовной традиции. Так, английский философ Т. Гоббс справедливо отмечал, что «согласие указанных существ обусловлено природой, согласие же людей – соглашением, являющимся чем-то искусственным. Вот почему нет ничего удивительного в том, что для того, чтобы сделать это согласие постоянным и длительным, требуется ещё кое-что – “сверхсоглашение”, а именно общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу» [Гоббс, 2016, с. 233]. Тем не менее воспитание патриотизма способствует мирному приятию ценностей, которые признаются обществом в качестве наиболее важных и необходимых для того, чтобы не погрузиться в «хаос». Поэтому в данной связи патриотизм поддерживает общество изнутри, во многом выступая коллективно-психическим ресурсом антропологической реальности.

Патриотизм не всегда является охранительной консервативной силой, но и может носить откровенно революционное значение, помогая сбрасывать с человечества заскорузлые формы культуры. Современное государство научилось умело использовать патриотический ресурс в своих интересах, в том числе и в целях удержания и расширения действительной власти. Патриотизм – важный элемент культуры, ее внутренняя скрепа,

позволяющая воспринимать последнюю скорее органическим, чем «механическим» образом. Можно сказать, что народная культура, выступающая компонентом патриотизма, также довольно ближе соотносится с окружающей средой и в целом экологичнее массовой культуры развитого общества потребления. Несомненно, что патриотизм способен стимулировать творческую волю человека, направленную на созидание новых культурных форм.

В данной связи не стоит забывать, что многое, включая и творческие порывы человеческого духа, определяются его способностью к отрицанию. Негативность, таким образом, оказывается включенной в непосредственную деятельность человека, следовательно, чтобы действовать эффективно, необходимо что-то отрицать в предмете или противниках. В данной связи русско-французский философ А. Кожев писал: «Человек – это отрицающее Действование, преобразующее наличное Бытие и само преобразующееся в ходе этого преобразования» [Кожев, 2013, с. 212]. Это в свою очередь приводит к тому, что человеческая культура постоянно находится в процессе трансформации, перехода даже в тех случаях, когда утверждается и подчёркивается ее неизменность, основанная на неукоснительном следовании сложившейся традиции. При этом в каждом событии присутствует вполне определенная тождественность, позволяющая говорить о единстве в развитии данного процесса.

Развитие и сохранение патриотического настроения в значительной степени связано с наличием соответствующей коллективной идентичности, способной удерживать людей в рамках единой культурной традиции или по крайней мере солидаризироваться на основе культуры. Даже самые космополитические периоды развития цивилизации не снимали вопрос об особой привязанности человека к месту своего обитания или почитания культурной традиции. Очевидно, что патриотизм требует взращивания, как и всякий результат культурной деятельности, но может в определенные периоды истории возникать стихийным образом.

Заключение

Таким образом, патриотизм как свойство, которое присуще сплоченному коллективу, помогает преодолеть или нивелировать чрезмерный эгоизм, зачастую присущий отдельной от других личности. В данной ситуации массовая культура, выступающая как носитель радикальных потребительских установок, может приводить к деградации и притуплению патриотических чувств, которые вступают в противоречие с эпохой тотальной глобализации. Тем не менее далеко не все философы, в центре рассуждений которых находился именно «человек», уделяли должное внимание патриотизму. Отчасти игнорирование патриотического дискурса было связано с субъективистскими установками философии Нового времени и попытками абстрагироваться от всего лишнего, то есть от того, что не было познано человеком своим собственным умом. Автономия мышления отдельного индивида в сочетании со стремлением к свободе от авторитета традиции внесли существенный вклад в трансформации коллективных установок, включая и патриотизм. Несомненно, что существовало множество философов, для которых патриотизм был связан не с экзистенцией, а скорее рассматривался как компонент почти исключительной идеологической обработки человека и казенщины.

Проведенный анализ показал, что патриотизм является важным культурно-антропологическим феноменом, поскольку связан с базисными экзистенциальными переживаниями человека и во многом фундирует его отношение к актуальной культуре. Патриотическое настроение помогает преодолеть кризис отдельного человека, возникающий в результате его недовольства культурой, причем как своей собственной, так и культурой как таковой.

Список литературы

- Арендт Х. 2017. Vita Activa, или О деятельной жизни. М., Ад Маргинем, 416 с.
Гегель Г. 1929. Сочинения в 14 томах. М., Госиздат, 1: 473 с.
Гоббс Т. 2016. Левиафан. М., РИПОЛ классик, 606 с.
Кожев А. 2013. Введение в чтение Гегеля. СПб., Наука, 791 с.
Марков Б.В. 2017. Положительные и отрицательные экзистенциалы человека. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 14(3): 23-30.
Марков Б.В. 2023. Российская цивилизация сквозь призму экофилософии. *Вопросы социальной теории*, 15: 112-130.
Марков Б.В. 1997. Философская антропология: очерки теории и истории. СПб., Лань, 384 с.
Назаретян А.П. 2023. Антропология насилия и культура самоорганизации. В кн.: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., ЛЕНАНД, 264 с.
Плеснер Х. 2004. Ступени органического и человек: В кн.: Введение в философскую антропологию. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 368 с.
Фрейд З. 2013. Недовольство культурой. М.: Литагент Фолио, 222 с.
Хесле В. 1994. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. *Вопросы философии*, 10: 112-123.

References

- Arendt X. 2017. Vita Activa, ili O deyatelnoj zhizni [Vita Activa, or About an active life]. M., Ad Marginem, 416 p.
Gegel' G. 1929. Sochineniya v 14-ti tomah [Essays in 14 volumes]. M., Gosizdat, 1: 473 p.
Gobbs T. 2016. Leviathan [Leviathan]. M., RIPOL klassik, 606 p.
Kozhev A. 2013. Vvedenie v chtenie Gegelya [Introduction to reading Gegelya]. SPb., Nauka, 791 p.
Markov B.V. 2017. Polozhitelnye i otrizatelnye ekzistenciyaly cheloveka [Positive and negative human existentials]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, 14(3): 23-30.
Markov B.V. 2023. Rossijskaya civilizaciya skvoz prizmu ekofilosofii [Russian civilization through the prism of ecophilosophy]. *Voprosy socialnoj teorii*, 15: 112-130.
Markov B.V. 1997. Filosofskaya antropologiya: ocherki teorii i istorii [Philosophical anthropology: essays on theory and history]. SPb., Lan, 384 p.
Nazaretyan A.P. 2023. Antropologiya nasiliya i kultura samoorganizacii [The anthropology of violence and the culture of self-organization]. In: Ocherki po evolyucionno-istoricheskoy psihologii [Essays on evolutionary and historical psychology]. M., LENAND, 264 p.
Plesner X. 2004. Stupeni organicheskogo i chelovek [The stages of the organic and the human]. In: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu [Introduction to Philosophical Anthropology]. M., Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPE'N), 368 p.
Freid Z. 2013. Nedovolstvo kulturoj [Dissatisfaction with culture]. M.: Litagent Folio, 222 p.
Xesle V. 1994. Krizis individualnoj i kollektivnoj identichnosti [The crisis of individual and collective identity]. *Voprosy filosofii*, 10: 112-123.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.06.2024

Поступила после рецензирования 01.09.2024

Принята к публикации 28.02.2025

Received June 01, 2024

Revised September 01, 2024

Accepted February 28, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Синютин Александр Александрович, ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Alexander A. Sinyutin, Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.